

**«Зеркальная
библиотека №22»**

Ана Хомякова

Ана Хомякова

**Сборник коротких
рассказов «Зеркальная
библиотека номер 22»**

«Автор»

2026

Хомякова А.

Сборник коротких рассказов «Зеркальная библиотека номер 22» /
А. Хомякова — «Автор», 2026

Истории написаны в форме сюрреализма, абсурда, юмора и метафор. Это не то, что вы думаете и видите каждый день. Ваш мозг ответит на текст иначе, и затем снова иначе, а потом ему понравится. Логический ум нам больше не нужен, там, где ответы лежат на своих местах – их уже находили. Если вам нужны новые - вам нужен «вы новый». Когда ум не может признать - он отрицает. Не отрицайте и не сопротивляйтесь. Вы это читаете — значит это для вас.

© Хомякова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление и первая глава «Кофе и смерть».	6
Глава 1. «Кофе и смерть» (Она, Ей, Её)	7
Глава 2 «Гилти плежер Стефании-Эллен»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ана Хомякова
Сборник коротких рассказов
«Зеркальная библиотека номер 22»

Вступление и первая глава «Кофе и смерть».

То, что вы прочитаете в библиотеке - изменит вас. Но не ждите и не ожидайте. Сейчас же забудьте то, что вы только что прочитали.

Истории — это инструменты. Время изменилось, и инструменты тоже. Для того чтобы найти решение, не нужно искать решение — нужно отпустить фокус напряжения и погрузиться в «другое». В «другом» ваши углы и орбиты изменят свой ход, и взгляд расширится на 360. Внутри этого взгляда вы не узнаете себя, и вас уже никто не узнает. **Так это работает.**

Все главы написаны давно, но публикуются сейчас, постепенно. Постепенно их станет больше. Внутри библиотеки вы можете выбрать историю, читать её полностью или переходить от одной истории к другой, не дочитывая, или дочитывая, читать хаотично или последовательно, перечитывать что-то несколько раз, а чего-то и не касаться. **Здесь нет порядка, есть только хаос,** и в этом хаосе вы сложите свою собственную историю.

Содержание и сюжеты откроются для каждого по-своему и откроют то, что нужно вам, и так, как нужно вам. Это не способ другого человека, ни мой, ничей рецепт. Это просто буквы, сложенные в привычный порядок для понимания. Если бы вы были птицей, и я была птицей - я бы напела вам. Наш язык - слова, но вы можете сложить их сами. Возможно, там вы найдете то, что искали.

Итак, у вас есть вопрос внутри, или их несколько, вчерашние или очень давние, рабочие или личные, это не важно. Возможно, ваш ответ уже отчаялся вас ждать и стоит в кассе, покупая обратный билет на поезд. Я положила ему в карман записку, он вас подождет. Он прямо сейчас ее читает.

Что-то еще.

Скучно давать ответы. Я рассказываю вам истории. Тогда ответы только ваши. И это не натуженный мозговой штурм. Ответы приходят сами. Они всегда были в вас. Важно помнить про цепочку причинно-следственных связей. И это не то, о чем вы подумали. Истинную цепочку причинно-следственных связей мы никогда не узнаем, иначе все бы разом стали просветленными. Причины и следствия в рамках вашей жизни привычны и ожидаемы. В этом их суть. Но учитывая то, что вы сейчас это читаете, можно сделать вывод: привычный ход вещей вас перестал устраивать. Бинго. Флеш. Велком. Ваш мир никогда больше не будет прежним.

Теперь наши с вами секреты такие , но скоро я могу и загадки загадывать начать...

Глава 1. «Кофе и смерть» (Она, Ей, Её)

Она просыпалась каждое утро одинаково. Это 8:15 на часах, затем кофе, который она варила в железной кружке. Такой кружке, которую берут в поход, чтобы она не разбилась.

Все варят в турке кофе, которому все равно.

Если бы было еще десять человек, возможно, она бы воспользовалась кастрюлей. Но не туркой. Турка — это что-то очень древнее, сколько лет назад она появилась? И зачем? Почему она такой нелепой формы?

Однажды в греческой части Кипра ей все-таки встретились турки в автосалоне, где она брала машину на тест-драйв. И даже это показалось ей тогда странным и нелепым: почему здесь не греки? Почему турки?

Она попробовала разные автомобили, но больше всего ей понравился кабриолет. Она его не купила тогда, но кофе запомнила очень хорошо. Этот кофе сварили на ее глазах, перед ней. Он был густой, крепкий, подавался в крохотных чашках и имел странный привкус специй или песка.

Этот кофе варили в металлической турке с узорами, которые являлись целым сюжетом. Так странно. Кто же будет рассматривать этот сюжет? Если эту турку купила бы, предположим, женщина. Домохозяйка, у которой есть две дочери и восемь сыновей. Они уже взрослые и приехали к матери в гости со своими женами и детьми.

Настало позднее утро, когда все начали просыпаться, жена самого младшего сына спешит на кухню, чтобы приготовить всем завтрак. И, конечно же, сварить кофе. Сколько раз ей придется делать это? Будет ли она разглядывать узоры? Рассматривать сюжеты?

Возможно, там грива льва переплетается со стеблями, а затем и с цветами вяющего растения, которое плотно оплетает корпус турки и на другой стороне переходит в фигуру животного или человека, например тонкой юной девушки, с изящными ступнями в танце касаясь лучей солнца.

Ведь лучи солнца на металлической поверхности будут изображены рельефными линиями, и прикосновения можно изобразить очень ярко.

И вот та самая жена самого младшего сына, предположим, засмотревшись на изображение сюжета на турке, не заметит, как прошла четверть часа, и позади нее, за столом, начинает собираться уже вся ее многочисленная семья и родственники.

Она быстрыми движениями станет ускоряться, но в этот момент в кухню войдет хозяйка дома. Та самая женщина, которая купила турку. Заметив нерасторопность, такую нерасторопность, которая не просто витает на кухне, а буквально дергает ее за рукав халата, — начнет помогать девушке,

при этом периодически посматривая своим расстроенным, предсудительным взглядом. Достанет старую большую турку, без всяких узоров, с подгоревшим дном, и зажжет второй огонь. Который она будет считать главным.

Неприятность здесь в том, что старая турка гораздо удобнее красивой турки с узорами. Но кто в это поверит? Никто не будет обсуждать, и никто не обратит внимания на суть. У всех просто останется что-то неприятное в ощущениях.

Все, кто почувствовал «неприятное», — спрячут его внутри, потому что в этот момент здесь совсем неуместны разговоры о турках. Это неприятное, неприглядное, никому не нужное чувство осядет глубоко и присоединится к другим похожим чувствам. У каждого — к своим.

Потом, через много лет, на общем закрытом собрании чувств они проголосуют и примут решение проявиться в теле, например, раком, например, у этой молодой девушки, жены младшего сына.

Но это будет еще через несколько десятков лет, поэтому сейчас об этом никто и не подумает.

Но вернемся к утру. Ее утро такое же одинаковое, как и кофе. Будь это зимнее утро или осеннее. Хотя надо сказать, что осеннее отличается от всех остальных.

Потому что осенью можно понюхать дождь. Безусловно, дожди бывают и летом, и весной, и даже ливни. Но запах дождя можно уловить только осенью. Потому что за весной все еще следует лето, а за летом следует осень.

И только за осенью следует зима. Когда все притворяются мертвыми. Они не умирают на самом деле, конечно же, они просто засыпают. Но когда они засыпают, никто из них не знает, проснутся ли они снова.

И когда осенью льет дождь, он пахнет как нежное дыхание смерти. И это такая тонкая, прозрачная, как вода, грань, к которой ты никогда не сможешь прикоснуться нигде больше, так чтоб, прикасаясь, ты все еще оставался внутри жизни, но сумел почувствовать смерть.

В этом есть ответ, почему многие не любят осень. Это те люди, которые очень боятся смерти; они не просто не понимают ее — они боятся и подумать об этом. Тогда приходит грусть и осенняя хандра, чтобы напомнить им о вечном.

Люди, которые не любят осень, сильно бы удивились, пойми они эту задумку природы. Но они не удивятся. Они придумают себе что-то, что не даст им почувствовать эти ответы. И в этом тоже есть смысл. Просто не всем нужно это чувствовать, некоторым нужно продолжать бояться и хандрить. Потому что, если все в один момент преисполнится — они не поймут этого, ведь сравнить будет не с чем.

И снова вернемся к утру. В любое утро у нее будет кофе, и надо сказать, что раньше он всегда был черным. Сахар или мед в нем, конечно, присутствовали, но боже упаси добавить туда что-то еще.

С возрастом внешняя крепость рушится, и это касается как мужчин, так и женщин. В 25 мы все — Тринити в латексе и темных очках, в 40 мы стараемся сменить латекс на натуральную кожу. У кого-то получается.

В последнее время ее кофе всегда был с молоком. Почему не со сливками? Это, наверное, единственный вопрос в истории, на который ответа не будет. Теперь она всегда добавляла молоко. Чернота кофе разбавляется мягкостью и приобретает совершенно другие оттенки.

Она выходила на балкон, закуривала тонкую сигарету, и это был самый приятный момент в ее каждом дне. Потом, позже в течение этого дня, момент уже нельзя было повторить. Она пыталась это сделать, поймать ощущение снова. Но нет. Такое может случиться только, если происходит утроем. В ее примерно 8:30.

Здесь бы подошел звук фортепиано на фоне. Да, такой, как только что прозвучал в вашей голове. Красивый. Но если вернуться к истории и поговорить о звуках, то какой бы это мог быть звук, чтобы картина сложилась идеально?

И кстати, почему мы так и не знаем ее имени? Этой женщины, в чье утро мы случайно вторглись. Какой здесь звук и какое имя? А что, если я вам скажу, что ее имени нет? Звук есть, и позже я его назову. Или вы. Но имени нет. Почему? Потому что если отвлекаться на то, что не важно — вы упустите главное, зачем вам это?

Вы знаете, как звучит виолончель? Не та, которая внутри оркестра, хотя и она тоже. Но как звучит для вас сейчас соло-виолончель? Если вы представите себя внутри утра, утра любого сезона, то какая виолончель зазвучит? Послушайте ее... вот она уже зазвучала.

Одновременно с кофе, дымом и звуками в её голове продолжались мысли. Эти мысли возникали сразу после пробуждения. Самые первые одной ногой были еще во сне. Сон немного продолжался, даже когда глаза уже были открыты.

Она часто вспоминала одни и те же вопросы своего приятеля, которому тоже снились сны. Это был старый человек, художник, который для развлечения мог нарисовать тушью что-нибудь совершенно гениальное и назвать ерундой.

Этот приятель давно умер. Но теперь его вопросы стали понятны. Когда он еще был жив, почти при каждом разговоре он спрашивал: «Ну что, вам что-нибудь снилось сегодня?». И всегда этот вопрос вызывал раздражение.

Он спрашивал, потому что то, что снилось ему, очень часто сбывалось: начиная от того, удачно ли он посетит врача и что произойдет в метро на следующий день, заканчивая тем, в какой день кто-то из его знакомых умрет или родится.

Ее этот вопрос раздражал, потому что, во-первых, она часто и не помнила своих снов, а во-вторых, если ему снятся вещие сны, это не значит, что они должны сниться всем остальным. Но... вообще-то значит.

Просыпаясь теперь, ей так хотелось обсудить свои сны с тем своим старым приятелем-художником. И на душе становилось тяжелее от мысли, что это невозможно. Вот бы сейчас они вместе осмыслили иносказательные образы, которые приходили к ней.

И он, смеясь, говорил бы: «Ну что ж вам здесь непонятно? Всё здесь очень даже понятно». Но его не было, чтобы сказать это, посмеяться или рассказать про своих котов, которые были у него в молодости на даче.

Не было. Когда нет человека, то, что остается? Если бы это был рецепт «Как приготовить то, что никогда уже не вернется», он состоял бы из чайной ложки печали, которую нужно растворить в понимании неизбежности, и потом залить двумя литрами благодарности за счастье — быть знакомой с этим невероятно умным, тонким и ужасно талантливым человеком. В готовом блюде печали и неизбежности почти не будет чувствоваться, на вкус это будет только благодарность. Но поскольку это готовили вы сами, вы точно знаете его состав.

Эта история должна была быть в основном о кофе, но вышло так, что появились разговоры о снах и смерти. И так всегда.

Глава 2 «Гилти плежер Стефании-Эллен»

Дайте вспомнить, это в каком году было? Кажется, в пятьдесят четвертом. Да, в 1954-м, точно. Все тогда дружно ходили на демонстрации, и, согласно «цензорному» художественному совету, высота любого женского смеха в «новоснятых» фильмах превышала до ультразвука, а голосу главного героя мужского пола прибавляли баса — или, того хуже, баритона. Если же голоса актеров не подходили, их безжалостно заменяли, чтобы труды режиссера не зарубили на выпускном «цензорном» совете.

Степанида Иерувимовна проживала, как и все остальные граждане, в уютной комнате восьмикомнатной коммуналки на Миллионной. Она страшно гордилась и одновременно нежно любила место своего проживания, но гордиться открыто было запрещено — поэтому она гордилась тайком. Заходила в свою комнатку, с глубоким вздохом садилась на кровать и гордилась. Еще она гордилась тем, что в свои годы по сей день служила в театре. Но самым большим ее «гилти плежер» было не это.

До тридцати восьми лет Степаниду Иерувимовну Падышую все знали как Стефанию-Эллен Иерувимовну Вальтер. Всё, что занимало ее тогда, всё, чем жила ее душа, сводилось к нескольким сладостным заботам: какую удивительную грань свою явить в каждый новый вечер супругу или какой образ иметь на предстоящем маскараде — в те редкие дни, когда дозволялось наряжаться, например, цыганкой, маркизой или даже офицером, скрыв лицо под бархатной полумаской.

Ах, как упоительно было ловить восхищенные взгляды гостей, чувствовать, как шелк и блески шепчутся при каждом движении!.. А уж когда зима покрывала снегом их имение под Лугой и наступало время принимать у себя светское общество — тут и вовсе душа ее ликовала. Гостиная, освещенная сотнями свечей, наполнялась разговором, смехом, звоном хрусталя; за окнами же тихо лежали сугробы, отражая в своих искристых глубинах огни усадьбы.

Но истинное блаженство ждало ее не в шумной гостиной, а на застывшей глади пруда, куда она неизменно убегала, едва заканчивался последний котильон. Так сладостно было, сбросив бальные туфельки и натянув коньки, скользить по зеркальному льду, пока кружевная пелерина развевалась за спиной, как крылья!

Как живо вспоминала она сейчас и зимние утра, когда еще в детстве, едва отхлебнув душистого шоколада, спешила в гардеробную — к уже приготовленным для нее горничной любимым конькам, тем самым, с изящными серебряными застежками, что некогда прислал из Лондона двоюродный дядюшка.

В такие минуты одинокой гордости Степанида Иерувимовна почти напрочь забывала о том, что ей пришлось пережить после. Как из потомственной дворянки богатого рода она превратилась в скромную актрису.

Вечно вторые роли, коммунистически абсурдные и плоские постановки. Как квартира, которая была куплена отцом в возрасте неполных ее тридцати; квартира, в которой был и гардероб для нарядов, и будуар, где целые вечера пролетали за любимыми занятиями; квартира со многими комнатами, у которых было каждое свое предназначение; квартира, украденная людьми, а затем отданная другим людям, которые и ручки дверной ее не заслуживали.

Милостиво оставив ей одну из комнат, новая власть также прислала распоряжение о переименовании. Нет, не квартиры и не дома — ее самой. Из Стефании-Эллен Иерувимовны Вальтер, дочери своего любимого отца Иерувима Прокофьевича Вальтера, она стала Степанидой Иерувимовной Падышей, и тридцать девятый свой день рождения встречала уже под новым именем — как и каждый долгий следующий год.

Соседями ее оказались такие люди, которых в прежние времена никто из ее семьи и в работники бы не принял. Такие люди, с которыми ей позже пришлось уживаться — и не просто уживаться, а выказывать уважение.

Большим счастьем стали данные Богом ей актерские способности, которые теперь очень облегчали жизнь: она имела причины получать свои восемьдесят рублей жалования в театре, а также умело скрывать тонкую и острую ненависть, с которой на самом деле она относилась к такому подобию жизни и к своим соседям.

Возможно, здесь возникнет вопрос: как же ей удавалось на протяжении такого долгого времени ни разу не попытаться взорвать этот опостылевший муравейник вместе с собой, чтобы не мучиться и не терпеть?

Каждая четвертая суббота без привязки к месяцу была дежурной для Степаниды Иерувимовны. Дежурство это распространялось на все площади общего пользования в квартире и было отражено в графике, который висел на кухне.

Степанида Иерувимовна стала с годами очень удобным и дисциплинированным человеком, всегда выполняя свои обязанности точно и в срок. Она вставала ранним субботним утром, пока весь рабочий, очень уставший класс крепко спал, проходила в кухню, снимала всю посуду со столов и полок, складывала ее в большой эмалированный таз, снимала трусы и ссала что есть мочи! На то, что принадлежало ненавистным ей соседям.

Видит Бог, только это позволило ей дожить до своих лет и не иметь белокровия.

Потом она, как полагается истинной дворянке, оставляла кухню в чистоте: прибирала за собой, перемывала всю посуду и расставляла по местам. А напоследок распыляла аромат — формально подаренных театром на ее юбилей отвратных духов, которые она ненавидела не меньше, чем соседей. И со спокойной душой продолжала выполнять свои обязанности, а затем тихонько возвращалась к себе в комнатку.

Дышите, суки. И приятного аппетита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.